

тогда, когда появляется внутренняя или собственная система отсчета. Она, согласно Мамардашвили, составляет самоосновное, бытийное и событийное явление: «Таковым является, например, совесть. Понятие совести описывает те моральные акты и явления, которые для своего существования и свершения не имеют причин вне себя. Они беспричинны. Совесть — причина самой себя»¹⁴.

Таким образом, вопрос о том, кто хозяин нашего телесного и духовного организма, не такой простой. Хочу только предупредить относительно иллюзорности простых, казалось бы, само собой разумеющихся ответов на этот вопрос. Едва ли на роль хозяина может претендовать сознание. Оно многослойно, полицентрично, полифонично, абсолютно свободно. Оно легко преодолевает самые суровые определения бытия, такие, как пространство, время, социум, но оно преодолевает их в себя и для себя, что далеко не всегда совпадает с их преодолением для носителя сознания, для его собственного Я.

Столь же сомнительна претензия на роль хозяина инстанции Я. Резонно возникает вопрос, о каком Я идет речь? О первом, о втором? Или об одном из многих (ср.: у В. С. Библера есть термин «многаяйность», у Марселя Пруста — «роистое Я»)? Даже если какое-то из них побеждает, оно мечется в поисках смысла между бытием и сознанием: кем быть, как быть, быть или не быть?.. Хочет, но не может, как Иван Карамазов, «полюбить жизнь больше, чем смысл».

Не будем спешить с ответом, на этот вопрос. Будем идти к нему постепенно. И если он имеет смысл, попробуем на него ответить, а если не удастся, то у читателя останется знание о незнании или он найдет свой ответ.

¹⁴ Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М., 1976. С. 28.

Глава 8 Личность, бессознательное, творчество

И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «Я».

О. Мандельштам

Я один, все тонет в фарисействе,
Жизнь прожить — не поле перейти.

Б. Пастернак

Проблематизация фрейдовской топологии сознания и личности

Проблема личности (как и проблема Я) не является специально психологической, это проблема всего гуманитарного знания. Всякий, кто прикасается к ней, ставит задачи преодоления атомизма в подходах к психике и сознанию, динамического изучения строения и проявлений целостной (цельной) личности, ее сознательной и бессознательной жизни. К такому заключению пришел А. Р. Лурия в 1923 г. в статье «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии»¹. Видимо, подобные, широко распространенные в начале XX в. интенции побудили О. Шпенглера заявить, что XX в. будет веком психологии. Прогноз не сбился. Зато он стал веком психоанализа, основной заботой которого были невротизированные люди. Однако психоанализ прославился не столько терапевтическими достижениями, сколько открытием «царского пути» к бессознательному, а соответственно, и пробуждением интереса к сознанию. Именно этим объясняется беспрецедентное влияние психоанализа на культуру XX в. (Пожалуй, вне сферы этого влияния осталась только психология.)

¹ Лурия А. Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М., 2003. С. 11—29.

П. А. Флоренский писал о невозможности дать определение личности, аргументируя это тем, что личность, как и деятельность, — это нарушение закона тождества. Он ограничился указанием на то, что личность, «разумеемая в смысле чистой личности, есть для каждого Я лишь идеал, — предел стремлений и само-построения <...> Личный характер личности — это живое единство ее само-созидающей деятельности, творческое выхождение из своей само-замкнутости <...> Победа над законом тождества — вот что подымает личность над безжизненной вещью и что делает ее живым центром деятельности. Но понятно, что деятельность по самому существу ее для рационализма непостижима, ибо деятельность есть творчество, т. е. прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества»². Далее Флоренский пишет о невозможности дать понятие личности, ибо она выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна всякому понятию. «Можно лишь создать символ коренной характеристики личности или же знаков, слово, и, не определяя его, ввести формально в систему других слов и распорядиться так, чтобы оно подлежало общим операциям над символами “как если бы” в самом деле было знаком понятия. Что же касается до содержания этого символа, то оно не может быть рассудочным, но — лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельном само-построении личности, в тождестве духовного само-сознания»³. О. Павел как бы благословил гуманистичнее, и в их числе психологов, на продолжающиеся до сих пор языковые игры со словом «личность». Под символом Флоренский понимал: «Бытие, которое больше самого себя, — таково основное определение символа. Символ — это нечто являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно через него объявляющееся. Раскрываем это формальное определение: символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении энергией сущности, несет таким образом в себе эту энергию»⁴.

² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 79—80.

³ Там же. С. 83.

⁴ Флоренский П. А. Имена: очерки, эссе. Кострома, 1993. С. 306.

Вторя Флоренскому, А. Ф. Лосев называл личность мифом, чудом, тайной. Психологи воспользовались марксовым определением человека как ансамбля всех общественных отношений, подставив в него вместо человека личность. При этом они не заметили (кроме С. Л. Рубинштейна), что согласно Марксу, сами общественные отношения строятся из отношений индивидуальных. Растворения личности в общественных отношениях, а затем в деятельности, как ее всего лишь внутреннего момента, оказалось мало. Ее опустили ниже индивида, поставив его над личностью, и, наконец, уравнивали с субъектом («субъектность личности», «личностный субъект» и т. п.), т. е. с *подлежащим*, с функциями субъекта. Психологам хорошо бы воспользоваться опытом психоанализа: «Установленный Фрейдом порядок доказывает, что осевая реальность субъекта лежит вне его Я»⁵. Далее Лакан говорит, что Фрейд преследовал цель «восстановить точную картину эксцентричности субъекта по отношению к Я»⁶. Сказанное справедливо и для личности, *осевая реальность* которой эксцентрична по отношению к субъекту. Иначе остается загадкой, каким образом «безличный субъект», «незнакомый субъект», а то и «подозрительный субъект» сопрягается с личностью. Здесь, кроме всего прочего, сказывается и нечувствительность к русскому языку.

В характеристике взаимоотношений деятельности и личности упускается такая малость, что личность не только внутри, но и над деятельностью. Она может подняться над пространством деятельностей, отказаться от той или иной деятельности, выбрать другую, построить новую деятельность, даже изменить свою жизненную траекторию. Справедливости ради следует сказать, что М. М. Бахтин, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев подчеркивали решающую роль не просто деятельности, а поступка на пути становления личности, приобретения *разных степеней личностности*.

Не прошла бесследно демагогия относительно формирования личности в коллективе: личность — продукт (субпродукт) коллектива. О том, что личность — основание коллектива мало кто вспоминает. Сегодня личность тонет не только в фарисействе, но и в по-

⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 64.

⁶ Там же. С. 66.

треблении, или мечтах о нем. Реализация человеческих сущностных сил в созидании, в творчестве подменена и подавлена сомнительным удовлетворением сомнительных потребностей. И все же, хотя личность, а вместе с ней и сознание истаявали как предмет психологического исследования, в середине XX в. Ж. Пиаже, Б. М. Кедров, позднее, А. А. Брудный выражали уверенность в том, что XXI в. наверняка будет веком психологии. Возможно, эта уверенность была основана на надежде, что психология сможет своими психотерапевтическими средствами подлечить больное человечество. Пока успехи психологии в этом благородном деле довольно скромны. К сожалению, такое нельзя сказать о собирающемся «Около ноля» племени субъектов-манипуляторов личностью и сознанием, имиджеймейкеров, харизмейкеров, торговцев смыслом жизни и т. п.

Похожа, хотя и не столь печальна, судьба личности в психоанализе. Его претензии построить теорию личности оказались неосновательными. Постулировав положение о том, что Я — это сердцевина, ядро, главная инстанция личности, психоаналитики сосредоточили внимание именно на нем. Постулировалось немало конкурентов «на звание» средоточия, ядра личности. Среди них: имя, потребности, иерархия мотивов, смыслы, эмоции, творчество и др. Не приходила в голову простая мысль: может быть, сама личность — это ядро всего перечисленного? В психоанализе Я как бы заместило фантом «психологического субъекта», что, впрочем, оказалось более продуктивным не только для психоаналитической и психотерапевтической практики, но и для развития представлений (не теории) о личности.

Проблема Я была поставлена задолго до возникновения психоанализа и обсуждалась параллельно с его развитием. Ее постановка связана с восстановлением интереса к диалогу, практиковавшемуся в античной философии, и с повышением внимания к таким формам общения, которые условно можно назвать коммуникативно-центробежными, идущими от Я к Ты и от Ты к Я, а также к диалогу, разговору. Это отношения «Я — Ты», «Я — значимый другой», «Я — мы», «Я — они», «Совокупное Я», «Коллективное Я», «Я — второе Я» и т. п. Благодаря М. Буберу, Г. Г. Шпету, М. М. Бахтину, Д. Б. Эльконину, Ф. Д. Горбову, Ю. Хабермасу отношения Я, в отличие от просто «общественных отношений», все же конкретизированы и персонифицированы, а главное — дефис (или тире)

обозначил место живого плодотворного (иногда губительного) пространства *Между*, в котором рождается Я и несет на себе груз далеко не второстепенных функций. Ему свойственны созидательные (авторские) порождающие способности и функции. Я, порой, даже мыслит, а не просто «паразитирует на теле бессубъектного мышления» (Г. П. Щедровицкий), обладает человеческим достоинством. В пространстве *Между* рождается не только Я. Это событийное пространство и время (хронотоп), рождающее сознание либо со всеми фрейдовскими расчленениями на бессознательное, предсознательное и сознательное, либо с иными представлениями об уровнях и о компонентах, образующих его структуру (А. Н. Леонтьев, Ф. Е. Василюк, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев).

М. М. Бахтин писал, что «само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться. <...> У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»⁷. Сказанное относится и к человеческому сознанию: «не другой человек, остающийся предметом моего сознания, а другое полноправное сознание, стоящее рядом с моим и в отношении к которому мое собственное сознание только и может существовать»⁸.

Способности и функции рождающегося на границе или в пространстве *Между* Я скрываются за метафорами, действительно, многоликого Я: «Роистое Я» (М. Пруст), «Многояйность» (В. С. Библер), «Единомножие Я» (В. А. Петровский), «Я — многоглавный субъект, субъект — поликефал» (Ж. Лакан). Лакан писал, что Фрейд в своих работах тысячи раз твердит нам, что Я представляет собой сумму идентификаций субъекта со всем принципиально случайным, что таким в него привносится. Лакан уподобляет собственное Я нескольким надетым одно на другое пальто, позаимствованным из захлапленного реквизита⁹. Еще одной лакановской метафорой является спектральное разложение функции Я. «Метафоризм, по словам Б. Пастернака, — стенография большой

⁷ Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 344.

⁸ Там же. С. 345.

⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 222.

личности, скоропись ее духа», но метафора не заменяет и не отменяет задачи ее расшифровки, выявления и анализа структуры скрывающегося за ней феномена.

В деле расшифровки или построения структуры Я психологи и психотерапевты не слишком преуспели. Они переключаются проблему Я на плечи своих подопечных — пациентов и испытуемых, предлагая им на ходу придумывать свои «Я-концепции». Психоаналитики, значительно лучше, чем психологи, осознают неправдоподобную сложность структуры Эго. В отличие от философско-психологического, подход психоаналитиков к проблеме Я столь же условно можно назвать эгоцентрическим или центростремительным. Здесь существенна безграничная дифференциация самого Я. Коммуникативные аспекты проблемы Я волнуют психоаналитиков преимущественно в связи с практикой организации соответствующих сессий. Разделение двух подходов — центробежного и центростремительного не является строгим. Между ними имеются точки пересечения, о которых будет сказано далее. Главная трудность анализа Эго для обоих подходов состоит в том, что оно, как, впрочем, и многое в психике, существует не только в своей наблюдаемой внешней форме, но и во внутренней, виртуальной, однако не менее действенной форме.

Обратимся к опыту и размышлениям психоаналитиков. Вначале они рассматривали Я как психическую *инстанцию*, затем как главную *инстанцию* или подструктуру личности. При этом более широкую структуру личности они оставили вне поля своего внимания и анализа, видимо, считая личность само собой разумеющимся феноменом обыденной жизни¹⁰. Психоанализ (как и любая другая терапия) далек от идеала свободного самораскрытия личности. Забегая вперед, скажем, что, равным образом, психоаналитики пренебрегли (или вытеснили?) понятие индивидуальности.

Для психопатологии обыденной жизни понятие Я оказалось главным и самодостаточным. З. Фрейд уподоблял Я *настоящему органу* (хотелось бы добавить — функциональному). Этот орган, несмотря на все неудачи, в принципе способен, как репрезентант реальности, постепенно овладевать влечениями. Более того,

¹⁰ З. Фрейд даже великих личностей опускал до уровня своих пациентов-невротиков.

Фрейд сравнивал Я с организмом, «простейшим живым существом», считал, что модификация Я подобна поражению тканей организма. Отсюда его уподобление психоанализа ножу хирурга. Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в «Словаре по психоанализу», вслед за З. Фрейдом, увидели в Я нечто вроде воплощенной метафоры организма в целом¹¹. Вначале в 1922 г. Фрейд вполне натуралистически характеризовал «организм Я»: «Я — это в первую очередь нечто телесное: оно выступает не только как поверхностное образование, но и как проекция некоей поверхности». Затем он к этому утверждению сделал противоречащее ему примечание: «В конечном счете, Я возникает из телесных ощущений, преимущественно тех, что рождаются на поверхности тела. Следовательно, Я может рассматриваться одновременно и как психическая поверхность психического аппарата»¹². Здесь Я отчетливо выступает как внешняя форма либо тела, либо психического аппарата. Видимо, говоря о телесности Я, Фрейд хотел подчеркнуть его реальность, а не иллюзорность, на чем настаивал, например, Д. Юм, отрицавший эмпирические основания причинности и субстанциональности Я. Аналогичным образом, А. Н. Леонтьев утверждал, что анализ деятельности и индивидуального сознания исходит из существования реального телесного субъекта. Хотя *вне* такого анализа субъект выступает лишь как некая абстрактная, психологически «не наполненная» целостность¹³, т. е. как пустота. Лакан также считал, что первоначально субъект — это никто. Затем он обрывает функциями (нынешние адепты субъектного подхода говорят о «сборке субъекта»), умножается путем раскрытия, развертывания различных *эго*. Наконец, субъект вообще упраздняется, разрушается как таковой. Субъект, преобразенный в поликефала, приобретает черты акефала, субъекта обезглавленного¹⁴.

О заполнении или одевании «голового» Я поговорим позже. Уподобление психики органам, организму и его тканям — не новость. В предыдущих параграфах уже шла об этом речь. Напомним, что ду-

¹¹ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер с франц. Н. С. Автономовой. СПб., 2010. С. 656.

¹² Там же. С. 664.

¹³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 157—158.

¹⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 239.

ховный организм строится из функциональных органов, обладающих биодинамической, чувственной, эмоциональной и социальной тканью. Примечательно, что Ухтомский говорил о функциональных органах и тканях как о виртуальной (а не телесной) реальности, подчеркивал, что они наблюдаемы лишь в исполнении. А Я наблюдаемо лишь в *проявлении*. И в этом смысле Я столь же реально, как и виртуальные функциональные органы, а вовсе не продукт нашего воображения, не «поразительно *устойчивая* иллюзия», как это утверждал Д. Юм¹⁵. Разумеется, актуализироваться, «выныривать» из виртуального пространства могут различные Я. Актуализироваться, «выныривать» из виртуального пространства могут различные Я. Разумеется, нужно согласиться с Лаканом, что собственное Я — это образ, являющийся воображаемой функцией и вместе с тем Я — это символ, и как таковой он участвует в психической жизни. Утверждение А. А. Ухтомского: Я — слуга и орган духа, много сильнее, точнее.

Итак, личность, а, соответственно, и Я, как ее инстанция (или ее конституент), в понимании Фрейда имеют собственную онтологию. Однако уподобление личности и Я функциональным органам заставляет задуматься над парадоксом, как уживаются постоянная необратимая динамика, развитие личности и Я, метаморфозы последнего и очевидная тождественность их самим себе, их внутреннее единство. И это при том, что человек никогда не равен самому себе. Мы, несмотря на кризисы, постоянно меняясь внешне и внутренне, сохраняем свою идентичность годами и десятилетиями. Чем больше мы меняемся, тем больше остаемся самими собой. Философы и психологи даже утверждали, что человек должен постоянно превосходить себя, чтобы оставаться самим собой. Как совместить необратимость, неповторимость с тождеством? Мы ведь, действительно, не можем совершенно одинаково совершить одно и то же движение, произвести одно и то же слово. При осуществлении самых элементарных актов неустраним разброс, обнаруженный Н. А. Бернштейном и его последователями. И. Бродский писал о гётевском мгновении:

*Ты не столь прекрасно,
Сколько ты неповторимо...*

¹⁵ См.: Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 27—35.

Указанный парадокс или проблема не новы. Их обсуждению посвящены недавние работы В. А. Петровского¹⁶ и В. Н. Поруса¹⁷. Ведь именно нерешенность (некоторые говорят — неразрешимость) парадокса необратимости изменений, с одной стороны, и единство и тождество меняющегося актора самому себе, с другой, служило и служит основанием для сомнений в реальности существования Я, а заодно и личности¹⁸.

Интересен опыт снятия этой проблемы Флоренским, который не сомневался в существовании личности (счастливый человек!) и в ее самоидентичности. Он переносит эту проблему в план обсуждения противоположности вещи и лица и самого понятия «тождества». «Вещь характеризуется через свое внешнее сходство, т. е. через единство суммы признаков, тогда как лицо имеет свой существенный характер в единстве внутреннем, т. е. в единстве деятельности само-построения, в том самом самоположении, о котором говорит Фихте. Следовательно, тождество вещей устанавливается через тождество понятий, а тождество личностей через единство само-построяющей или самополагающей деятельности»¹⁹. Тождество вещей, с точки зрения Флоренского, может быть родовым, генерическим, по роду, или видовым, специфическим, по виду, одним словом, признаком по тому или иному числу признаков, даже по всем признакам, но все же — не нумерическим, не числовым, не по числу. Вещь может быть лишь «такая же» или «не такая же», но никогда «та же» или «не та же». Напротив, о двух личностях нельзя говорить, что они «сходны», а лишь «та же» или «не та же»²⁰. Вспоминается мандельштамовское: *Не сравнивай: живущий несравним*. Согласно Флоренскому, только нумерическое или индивидуальное единство есть реальное единство. Этот тезис подкрепляется тем, что конкретная особь (индивид, личность) владеет творчеством,

¹⁶ Петровский В. А. Мыслью? — да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 12—26.

¹⁷ Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 27—35.

¹⁸ Лекторский В. А. Я // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 1184—1190.

¹⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 78.

²⁰ Там же. С. 79.

способна создать абсолютные, непредвиденные отношения, которые превышают всякое заранее составленное о ней понятие.

Близка к изложенному логика Г. Г. Шпета, писавшего, что для «того же» (по смыслу можно было бы написать «такого же») — «большой простор и всяческие правила в области “рода” и “вида”, но в области единичного только “то же нумерическое”»²¹. Постулируя существование числового, нумерического тождества, Флоренский признает, что попытки его определения ограничивались пояснением этого термина или указанием на то, что источник его идеи должно искать в само-тождестве сознания. При этом он ссылается на Аристотеля, описательно определявшего тождество как род единства в существовании независимо от того, идет ли дело о нескольких различных существах (бытиях), или об одном единственном, которое рассматривается, как несколько. Например, таким образом говорят, что единственное и одно и то же существо тождественно самому себе, и тогда рассматривают это существо как если бы оно было двумя существами вместо одного²². Проще говоря, если одно и то же существо рассматривать в разное время, то это и будет искомое единство, тождество личности. Флоренский решительно заключает, что нумерическое тождество есть глубочайшая и, можно сказать, единственная характеристика живой личности. Она противостоит ее признаку определению, смешению психофизиологических свойств и механизмов человека, которые хотя и в личности, — но — не личность. Столь же невозможно определить и нумерическое тождество, оно есть лишь символ, а не понятие²³.

Итак, что в остатке? Личность — символ. Нумерическое тождество — тоже символ. И совет Флоренского: оперировать этими символами, как словами, «как если бы» они в самом деле были знаками понятия. Против этого трудно возразить. Лучшее, что можно сделать, — держать это продуктивное противоречие (парадокс) в сознании. Или: вернуть в сознание, которое его породило, что, впрочем, одно и то же.

²¹ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 269.

²² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (1). М., 1990. С. 81—82.

²³ Там же. С. 79.

Сходные проблемы, связанные с уникальностью, единственностью Я, возникали и перед психоанализом. Лакан ставит вопрос, насколько безоговорочно мы пользуемся понятием о типичных этапах *эго*, с его фазами, развитием и характеризующими это развитие нормами. Отвечая на него, автор пишет: «Надо признать, что при настоящем положении дел мы категорически не вправе вводить понятие о типичном, стилизованном развитии Я. Ведь тогда нужно было бы, чтобы любой механизм защиты, с которым связан некий симптом, уже по самой природе своей указывал бы нам, на каком этапе психического развития Я он фигурирует. Но, никакой таблицы — вроде тех, что составляются, и, пожалуй, слишком часто, для характеристики отношений инстинктуальных, — мы на сей счет представить не можем»²⁴. Над этим утверждением хорошо бы поразмыслить представителям возрастной психологии, нередко, злоупотребляющим стилизованными схемами, например, смены ведущей деятельности, этапами развития личности и пр. Поучительно также приводимое Лаканом высказывание Фрейда, что в анализе каждого конкретного случая вся аналитическая наука должна ставиться под сомнение. Аналогична рекомендация английского психоаналитика В. Биона — идти к пациенту без памяти и желания, т. е. без предвзятых схем и без самонадеянной установки на быстрый прогресс в терапии.

Вернемся к логике Флоренского. Для понимания самотождественности индивида, личности, Я он вводит время, т. е. добавляет к двум символам (личность и нумерическое тождество) третий — время (от мгновения до вечности), которое и символ, и *действующее лицо* (Л. Кэрролл). Обратимся к аргументам от поэзии. *Моя душа — мгновений след* (М. Цветаева). Видимо, не всяких, а особенных. *Меновенье длился этот миг, / Но он и вечность бы затмил; И дольше века длится день* (Б. Пастернак). В приведенных строках речь идет о живом, содержательном, психологическом, автобиографическом времени, в каждом миге которого присутствуют все три цвета времени, т. е. настоящее, прошедшее и будущее. В живом времени каждый миг представляет собой элементарную единицу вечности. Благодаря этому кванты и волны живого движения, пер-

²⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 235.

цепции, аффектов, независимо от того, доступны или недоступны они наблюдению актора, образуют доступное его самонаблюдению явление и, в конце концов, ощущение и переживание непрерывности его психической, сознательной и духовной жизни. Получаем и нарратив (рассказанное Я), в котором В. Н. Порус видит полномочного представителя Я и которому препоручена охрана моего тождества с самим собой²⁵. Такая охрана возможна, если нарратив, действительно, нарратив, а не грезы «Я-концепции».

К сказанному следует добавить утверждение Шпета о возможности *сжимания* в идею временной длительности каждой вещи. Тем самым образуются «единичные идеи», и каждая личность или Я вполне поддается такой трансформации в «идею». Поэтому, заключает Шпет, нет нелепости, наряду с реальным эмпирическим Я, ставить вопрос о его идее: «Идеальное я, как всякий предмет существенного рассмотрения, характеризуется констатированием “того же” в смене текущего и неустойчивого содержания. Тождество я, определяющее сущность эмпирического я, не является, следовательно, противоречивым понятием, но зато, наоборот, было бы противоречием поставить эмпирическое я вне смены времени и приписать ему “реальное тождество”»²⁶.

Таким образом, в устройстве нашей памяти заложена возможность построения прямой и обратной временной перспективы — в пределе — перспективы вечности, возможность построения собственного жизненного пути, траектории развития.

Обратимся к фрейдовской топологической структуре Оно, Я, Сверх-Я. Перед Фрейдом не стояла проблема реальности Я. Не стояла и проблема его самотождества. Его цель состояла в терапевтической модификации Я, для которой положение о его тождестве служило бы препятствием. Более сложен вопрос с единственностью каждого Я, а, соответственно, и с невозможностью его обобщения, на чем настаивал Г. Г. Шпет: «“Человек вообще” есть» прообраз человеческого “экземпляра”, но не “каждого” в его бесконечном разнообразии, — это уже вовсе не нумерическое толь-

²⁵ Порус В. Н. Тождество «Я» — конфликт интерпретация // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 30.

²⁶ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 270.

ко тождество»²⁷. С одной стороны, Фрейд и его коллеги, конечно, имели дело с единичными Я и проблема их единственности могла перед ними просто не возникать. С другой — Фрейд достаточно широко обобщал свои результаты, в том числе и относящиеся к проблематике Я. Будем рассматривать то, что есть.

Начнем с предположений Фрейда о свойствах и функциях Оно, которые вполне резонны, хотя и не бесспорны. Оно — это полюс влечений в личности и в то же время их бессубъектный хаос, имеющий свои истоки и заимствующий энергию в биологических потребностях. Оно постепенно расчленяется и на его основе образуются Я и Сверх-Я. Я — это представитель интересов личности в целом, и в этом своем качестве Я получает нарциссическую, либидинальную нагрузку. Лапланш и Понталис разъясняют: «Я должно рассматриваться как обширный резервуар либидо, устремляющийся оттуда к объектам: оно всегда готово вновь принять в себя либидо, когда оно отхлынет от объектов. Этот образ резервуара означает, что Я — это не просто место, через которое проходят энергетические нагрузки, но постоянное место их хранения, а также что сама форма Я конституируется этим энергетическим зарядом»²⁸. Видимо, для объяснения природы энергии Фрейд выделил в качестве первого свойства Я его телесность, связал энергию с биологическими потребностями и либидинальными устремлениями. В отличие от библейской последовательности энергия у Фрейда заземлена, она поднимается снизу, от тела, а не снисходит от духа к душе и от нее к телу. Сверх-Я — это не только результат расчленения Оно. Сверх-Я рассматривается как инстанция суда и критики, сложившаяся в результате интериоризации родительских требований и запретов и идентификации с образами Я других людей.

Фрейд не ограничился энергетической характеристикой Я. По образу собственной топологической (уровневой) системы сознания (сознание, предсознательное, бессознательное) он наделяет каждый из уровней топологической системы Я своими, правда, аморфными функциями и своей энергией. Оказывается, что система Я, как и другие психические системы, например, перцепции, внимания, памяти, мышления, обладает большим числом избы-

²⁷ Там же. С. 274.

²⁸ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 659.

точных степеней свободы. И для того, чтобы Я в нужный момент стало дееспособным, необходимо преодоление этого избытка, прежде всего хаоса Оно, и сохранение лишь тех степеней свободы, которые обеспечивают осуществление требуемого акта. Например, для осуществления разумного действия необходимо преодоление влечений и страстей Оно, защита интересов Я, преодоление, сопротивление, торможения, цензуры Сверх-Я. Тогда отпущенное на волю Я перестает (временно) быть держателем, собственником той или иной виртуальной совокупности действий, само становясь действием, актом: я весь — внимание, наблюдение; я весь — напряжение, воля. Или я весь — чувство, страсть:

<...> ибо я сам

Любовь. Ибо я сам — поверхность!

И. Бродский

В строках поэта отчетливо выражено, что Я — это, прежде всего, чувство (доверия, недоверия, любви, фрустрации и т. п.) близкое или даже сливающееся с чувством идентичности. Я может поместиться в больном зубе, как в тесном ботинке. Незадолго до кончины страдающий от болезни Фрейд писал Мари Бонапарт: Мой мир опять превратился в маленький островок боли, блуждающий в океане безразличия.

Нарисованная картинка — это, конечно, сильное упрощение. На деле же преодоление невероятно избыточных отношений Я к действительности (реальной, воображаемой, вымышленной) и трансформация их в действительные отношения (отношения в действительности) нередко представляют собой драму, а то и трагедию. Психоаналитики приводят примеры, когда Эго невротика остается беззащитным, с одной стороны, перед давлением беспощадного Ид, а, с другой — под давлением не менее беспощадного Супер-Эго²⁹. Автор пишет, что и то и другое давление образуют порочный круг и мешают полноценным контактам Эго с реальностью. По поводу Фрейдовской триады невольно вспоминаются лебедь, рак и щука И. А. Крылова.

²⁹ Стрэчи Дж. Характер психотерапевтической работы в психоанализе // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 88—89.

Сложность взаимоотношений Я с Оно и Сверх-Я приводит к неожиданному, на первый взгляд, вопросу: Свободно ли Я? Или: Свободна ли вся триада — Оно, Я и Сверх-Я? Другими словами, имеет ли Я отношение к свободе воли, к организации свободного действия, будь последнее поведенческим или ментальным? Подобная постановка вопроса не чужда психоанализу. Фрейд сравнивал модификации Эго с «вывихами или ограничениями подвижности». Но метапсихология этих модификаций так и не была создана³⁰. Такой же вопрос правомерно поставить и по отношению к личности, якобы слагающейся из трех взаимозависимых и ограниченных в свободе инстанций. Ведь свобода, по крайней мере, внутренняя есть синоним личности. Искусственность подобного решения ощущал Фрейд, оставивший личность вне или над топикой Я.

Какие бы упреки в недостаточной определенности свойств каждого из элементов триады Я и четкости распределения функций между ними не делались, она явно выигрывает в сравнении с бытующей в психологии триадой — субъект, индивид, личность. В последней элементы либо изолированы, либо неоправданно сливаются один с другим. В любом случае, их трудно представить как некую уровневую структуру. разве что поставить индивида в центре и прочертить от него путь вверх, к личности, и путь вниз, к субъекту-функции. Обратимся к вопросу, как уровневая структура Я связана с регуляцией поведения, деятельности, психики индивида?

Выше шла речь о том, что психические функции, согласно А. А. Ухтомскому, — это функциональные органы индивида или, согласно А. Бергсону, П. А. Флоренскому, Л. С. Выготскому, психологические орудия. Поэтому остается вопрос, кто их создает, строит, владеет ими, координирует их работу? Можно, конечно, согласиться с утверждением И. Г. Фихте, что человек создает себе органы души и сознанием назначенные. Однако психология (вместе с психоанализом) человека давно обездушила, да и место человека в ней заняли субъекты, индивиды, личности, многочисленные ипостаси Я, персоны и т. п. Поэтому наш вопрос: есть ли у семейства свободных систем хозяин, препятствующий хаосу и организующий порядок, остается в силе. У Джеймса назвал лич-

³⁰ См. Айслер К. Р. Влияние структуры на развитие психоаналитической техники // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 179.

ность «хозяином» психических функций. З. Фрейд эту роль доверил сознанию. Он придал Я целый спектр различных функций: контроль за движением и восприятием, испытание реальности, предвосхищение, упорядочивание психических процессов во времени, рациональное мышление, и выделил такие разные свойства, как упорное непонимание, рационализация, навязчивая защита от влечений³¹. Тут же возникает новый вопрос: какое из многочисленных Я? Как мы помним, предложенная Фрейдом топика ограничивает свободу Я и снизу и сверху. Снизу — влечения, сверху — цензура. Но не только.

У самого Фрейда, как и у его последователей, помимо трехуровневой системы Я, встречается большое число его разнообразных персонификаций, носящих как эгоцентрический, центростремительный, так и центробежный характер, которые далеко не все распределены по уровням системы: «Я — идеальное», «Идеал — Я», «Я — либидо», «Я — наблюдатель», «Я — наблюдаемое», «Я — удовольствие», «Я — реальность», «Я — влечение», «Я — любовь», «Я — интерес», «Я — посредник», «Я — объект», «Я — нарцисс», «Я — энергия» и т. п. Следуя фрейдовской логике расчленения когда-то единого и устойчивого Я, можно множить Я и далее: «Я — творец, создатель», «Я — воля», «Я — действие», «Я — внимание», «Я — мышление», «Я — сознание». У Шпета: «Я — единство сознания» или «Я — единство переживаний». Все это есть результат расчленения Я и группа представлений о нем и о свойственных ему разнородных действиях, влечениях, переживаниях, что не удивительно, так как З. Фрейд подчеркивал то гетерономность Я, зависимость его от других психических инстанций и от внешнего мира, то говорил о его возможной автономии. Разумеется, перечисленные ипостаси Я существуют не одновременно. Отождествлению Я с чем-то, с кем-то сопутствует разотождествление, разочарование, смена предметов интереса, внимания, чувства. А. А. Ухтомский сказал бы, смена доминанты (не только Я, личности, но и души).

Итак, мы сталкиваемся с парадоксом, о котором частично упоминалось выше. Мы наивно думаем, что Я является хозяином нашей духовно-телесной организации. Однако всемогущество нашего Я оказывается в далеком прошлом, в младенчестве, да и то,

³¹ Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 661.

оно относится, скорее, не к Я, а к «прото-Я», к описанной Д. Винником омнипотентности младенца, порождающего ощущения Эдема (или Аида). Да и это всеисилие — его иллюзия, впрочем, весьма полезная для дальнейшего развития. А на деле взрослое Я, по Фрейду, «слуга трех господ», подвергающийся опасностям с трех сторон — внешнего мира, либидинальных побуждений *Оно* и сурового *Сверх-Я*. И все же индивидуальному поднадзорному, подцензурному Я иногда удается защититься и преодолеть грозящие с разных сторон опасности и стать хозяином положения.

В. А. Шкуратов связывает все новые средства разделения и синтеза Я с фундаментальным антропологическим дуализмом души и тела, возникающим в исторической диссоциации человеческого существа³². С разделением Я дела обстоят более чем благополучно, а вот с синтезом — неважно. Автор, правда, ставит старый вопрос, как диссоциация личности связана с генезисом сознания? Ф. М. Достоевский ответил бы на него: через связанное с ней страдание. Как бы вторя ему, Л. С. Выготский утверждал, что единицей личности и сознания является переживание.

Сделаем предварительный вывод. Хотя Фрейд называл Я главной инстанцией личности и исключал его отождествление с внутренним миром субъекта в целом, при перечисленных множественных функциях и зависимостях Я его вряд ли можно представить хозяином семейства свободных систем, да и хозяином вообще: «Идеально — тут социальная тема, разрешению которой больше всего препятствий поставил именно субъективизм, так как вместо перехода к анализу смысла идеального я, идеального имрека, как создаваемого, он переходил к Я прописному, владыке, законодателю и собственнику всяческого сознания и всего создаваемого»³³. Дай Бог Я разобраться со своими двойниками. По сути, мы имеем дело с собранием, коллективом, парламентом Я (настоящим, в котором есть место для дискуссий). Значит, потенциально «государство Я» может иметь диалогическое, М. М. Бахтин сказал бы — полифоническое, как и сознание, устройство. Бу-

³² Шкуратов В. А. Протей, Психей и осел (к антропоисторике европейского Я) // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Самара, 2007. С. 181.

³³ Шпем Г. Г. Сознание и его собственник // Шпем Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 303.

дем ли мы рассматривать это множество как множество отдельных Я, или как «единицу», полифонию и многослойность одного Я — это ничего не изменит. И в первом и во втором случае между разными Я или между уровнями одного Я едва ли возможна иерархия, скорее, гетерархия и гетерономия, которую подчеркивал Фрейд. Субъективно же мы отчетливо ощущаем согласие, дискуссию, борьбу (у некоторых с летальным исходом) между первым и вторым Я, причем победитель и побежденный меняются местами, и мы сами даже не всегда можем сообразить, какое Я первое, какое — второе. М. М. Бахтин говорит о втором Я как о личности или «человеке в человеке»: «“Человек в человеке” это не вещь, не безгласный объект, — это другой субъект, другое равноправное “я”, которое должно свободно раскрыть себя самого со стороны же видящего, понимающего, открывающего это другое “я”, т. е. человека в человеке. Требуется особый подход к нему — диалогический подход»³⁴. Возможна и «однойность», т. е. монологическое устройство, когда не с кем спорить. Такому одинокому Я все ясно без дискуссий. Вспоминается В. Маяковский: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп».

Бессознательно ли творчество?

Попробуем еще раз обратиться к весьма существенному вопросу о происхождении Я и его топике. Может быть, нам удастся найти другую кандидатуру на роль хозяина, координатора семейства свободных систем. Или, по крайней мере, на роль исполнителя, возможно, преобразователя их работы. Ведь в конце концов мыслит не мышление, запоминает не память, действует не действие. Психологи обычно говорят, что все это делает человек, тем самым обесценивая собственную работу, а также работу философов, психоаналитиков и др. по бесконечной дифференциации человеческих функций на субъектные, индивидуальные, личностные, функции Я, персоны и т. д.

Вопрос о происхождении Я не был обойден психоаналитиками. Вначале Фрейд шел к Я как бы «снизу». Оно старше Я. Я развилось

³⁴ Бахтин М. М. Достоевский. 1961 год // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 365.

из него наподобие коркового слоя под влиянием внешнего мира. Позднее, внутри Я ограничивается особая область — область Сверх-Я. Затем Фрейд признал, что Я — это не результат постепенной дифференциации психики. Для возникновения Я требуется новое психическое действие. Я — это и не порождение Оно, не просто результат его расщепления с последующей автономизацией. Цитированные выше Лапланш и Понталис пишут: «Я — это не столько аппарат, сложившийся на основе системы Восприятие — Сознание, сколько внутреннее образование, порожденное рядом особенно значимых восприятий — только не внешнего мира в целом, но мира межсубъектных отношений»³⁵. Становление Я не происходит автоматически. Психоаналитики описывают особые психические операции, посредством которых черты, образы, формы Я заимствуются у другого человека. Это (Само) идентификация, интроекция, нарциссизм, «хороший» объект — «плохой» и т. д. Наиболее подробно изучена специфика идентификации, порождающая в Я глубокие изменения, превращая его во внутрисубъектный остаток межсубъектных отношений³⁶. Между прочим, это такой «остаток», который может заполнить все «пространство» (воспользуясь термином фрейдовской топологии) Я. Подлинное Я — это, скорее, избыток межсубъектных отношений: собственный вклад Я в становление собственного Я (простите за полезную для понимания тавтологию). Нам важно подчеркнуть, что психоаналитики преодолевают фрейдовский натурализм и вносят вклад в понимание живого пространства *Между*, в котором происходят главные события человеческой жизни.

Таким образом, психоаналитики нащупывают свои пути «сверху», которые уже продумывались и прочерчивались философами и психологами. Напомню, что писал М. Бубер: в плоскости Я — Ты образуется «тонкое пространство личного Я, которое требует наполнения другим Я». Бубер присоединяется к классическому сюжету, в соответствии с которым жизнь человека повторяет бытие мирового целого в качестве человеческого становления. Не прошел Бубер мимо мира «Оно», однако он противопоставлял ему мир «Ты», а не Я. Хотя человек не может жить без «Оно», тот,

³⁵ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 664.

³⁶ Там же. С. 659.

кто живет лишь «Оно», — не человек, утверждал Бубер. Сходные мысли звучали и у Г. Г. Шпета: «Само я, как единство множества других “единств сознания”, есть коллектив и собрание»³⁷. В логике Д. Б. Эльконина Я — Ты первоначально выступает как совокупное Я, являющееся агентом, актором «совокупного действия», «слиянного общения» (термины Шпета). В этой логике Я автономизируется не от Оно, а от совокупного Я. Прислушаемся к Шпету, отвечавшему солипсисту Каспару Шмиту, представлявшему мир «за нечто *мое*, мою собственность»: «Если я пожелает укрепить за собою права собственности, захочет указать своих наследников и найти своих предков, указать свою мать и детей: если захочет найти самого себя и назвать свое имя, захочет найти себе место в среде своей же собственности, ему не обойтись без обращения на “ты” и без признания “мы”»³⁸.

Если же принять положение о том, что Я берет начало от совокупного Я, то неминуемо возникает вопрос, зачем нужно в структуре Я Оно? Общеизвестно высказывание Фрейда: «Где было *Оно*, там должно стать *Я*». Ведь мы ведем внутренний разговор, иногда ссору не с Оно, а со своим вторым Я. В таком разговоре, споре не поможет и Сверх-Я. Если последнее будет присутствовать, то и разговор окажется праздным, Я не сможет от него защититься и подчинится авторитету Сверх-Я. Подобное возможно, когда в качестве Сверх-Я выступит авторитетный Другой, хотя он, конечно, не всемогущ. Казалось бы схема или структура «Я — второе Я», подробно рассмотренная Ф. Д. Горбовым³⁹, самодостаточна. Она подлинно культурно-исторична, а не натуралистична. Напомню «антинатуралистический протест» Б. Пастернака: «А что вы такое? <...> Чем вы себя помните, какую часть сознавали из своего состава? Свои почки, печень, сосуды? Сколько ни припомните, вы всегда заставляли себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, в семье, в других <...> Человек в других людях есть душа человека <....> В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это буде-

³⁷ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 306.

³⁸ Там же. С. 304.

³⁹ Горбов Ф. Д. Я — второе Я. Москва; Воронеж, 2000.

те вы, вошедшая в состав будущего»⁴⁰. Если слово «вы» заменить на слово «Я», то это и будет культурно-историческая психология Я, которую афористически очертил Вяч. Иванов:

Друг друга отражают зеркала
Взаимно умножая отраженья.

Возвращаясь к вопросу, зачем Оно, ответим, что Оно нужно не только психоанализу и его практике, Оно необходимо и в концептуальном аппарате психологии, не только в психоаналитическом, но и более широком собственно психологическом значении и смысле. Использование методов микроструктурного и микродинамического анализа при изучении исполнительных актов (построение движений, формирование двигательных навыков) и при изучении ментальных актов (формирования и опознания образов, внимания, кратковременной памяти), показало, что мы имеем дело с категориями (времени, пространства, уровней, их иерархии, гетерархии, целого и т. п.), размеренность которых не совпадает с размерностью актов *сознательной* координации соответствующих процессов, репрезентированных в блоковых моделях, на которые столь щедры когнитивная психология и психология действия.

Проблема размерности возникает не только в экспериментальной психологии, но и при анализе ситуаций, возникающих в реальной жизни. Например, по отзывам опытных пилотов и специалистов, выясняющих причины авиационных катастроф, в сложных условиях полета человек оказывается как бы вне времени, и именно это дает шанс на спасение (имеется в виду время сознательно контролируемых решений и действий). Но где же это спасение происходит? Или в подобных случаях мы должны допустить, как минимум, двойной отсчет времени: реального, ситуативного (физического) времени и времени, протекающего в пространстве деятельности, а не объектов. Его можно было бы назвать надситуативным. При этом обе оси времени должны быть точно скоординированы — но кем? Есть ли у этого акта координации субъект? Видимым условием здесь является как раз потеря субъектом контроля над собой (выключение собственного Я из ситуации

⁴⁰ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М., 2008. С. 75.

и, следовательно, не только времени объектов, но и времени субъектов). Таким образом, мы оказываемся здесь перед лицом свободного действия или свободного явления. Как говорили древние, свободный человек не делает ошибок. А что делать психологии и психологам? В каких научных терминах и понятиях описывать подобные явления, нейтрализовав при этом почти обязательную для обыденного человеческого языка манию персонификаций. Это не могут быть понятия, описывающие работу Я (ни Я испытуемого, ни Я наблюдателя, исследователя). Скорее, это оно работает, а не Я. Пишем «оно» со строчной буквы, чтобы не смешивать его с Оно в психоаналитическом значении и смысле. Язык не поворачивается назвать такую работу бессознательной. Разумеется, когда мы говорим о языке описания, то имеем в виду не только приведенный выше достаточно экзотический пример, связанный с летной деятельностью. Л. Витгенштейн утверждал, что «так же как никакой физический глаз не вовлечен в факт смотрения, так и никакое это не вовлечено в факт мышления или зубной боли». Он цитирует Лихтенберга, который заявил: «вместо того, чтобы говорить *Ich denke* (“Я мыслю”), нужно говорить *Es denkt* (“оно мыслит”), где *es*, “оно” следует использовать так же, как в словосочетании *es blitzt*, “сверкает”. Это самое *es* неизбежно напоминает фрейдовское *das Es* (“Оно”): несубъективный субъект бессознательного»⁴¹. Итак, мы приходим к весьма «оптимистическому» заключению. Есть акты, называемые к тому же высшими психическими функциями, в которых не принимают участия ни Я, ни субъект, ни сознание, ни личность. И это не единичные акты. В детской, педагогической, инженерной, экспериментальной психологии изучено множество исполнительных и ментальных актов, которые как бы самоорганизуются и саморазвиваются без видимого участия Я и сознания. Что касается субъекта, то психологи, вслед за философами, «вчитывают» в подобные акты «метафизического субъекта».

В ходе затянувшихся отступлений, казалось бы, ушла в тень проблема хозяина семейства свободных систем. На самом деле, она еще больше усложнилась, поскольку была дополнена тайнами свободного действия в экстремальных ситуациях, поступка, творческого акта, проблемой simultaneity психических актов. С

⁴¹ См.: Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С. 61—62.

одной стороны, что-то мешает признать все эти в высшей степени продуктивные акты бессубъектными и бессознательными. Да и сам Фрейд в своих эссе о художниках интересовался и реконструировал не только их бессознательную основу. Сальвадору Дали он прямо говорил, что в произведениях реалистов он ищет бессознательное, а в произведениях сюрреалистов — сознание. Что уж говорить об искусствоведах, литературоведах и психологах, размышляющих об искусстве и пытающихся проникнуть в сознание их авторов, исследовать их личность, как минимум, биографию.

Продуктивные акты заслуживают не только отрицательной характеристики, но и положительной, намеки на которую были сделаны выше. Попытаюсь выразить это яснее, воспользовавшись эвристически полезной, хотя и не слишком определенной логикой взаимоотношений двух топологических систем. Рассмотрим два утверждения Фрейда: 1) где было Оно, там должно быть Я; 2) бессознательное там, где было сознание. Если, сопоставив эти утверждения, задать не слишком оригинальный вопрос, что раньше, а что позже, то окажется, что первично порождающее бессознательное сознание, которое само рождается в пространстве *Между Я — Ты*, т. е. первичен духовный слой сознания⁴². Это соответствует и положению Ж. Лакана о том, что бессознательное имеется лишь у существ, обладающих сознанием. Мы помним, что Фрейд, пытаясь слить обе топологические системы в одну, отождествлял бессознательное и Оно. Последнее в итоге расчленения порождает Я, ядром которого становится сознание. Однако на этом метаморфозы не оканчиваются. Обладаящее сознанием Я занимает место Оно. Как минимум, проникает в него, делится с ним своим избытком, как художник делится с нами своим избытком видения (М. М. Бахтин). Что касается Сверх-Я, то сознание проникает в него снизу от Я и со стороны — от Ты, от Другого. Наконец, все три инстанции — Оно, Я и Сверх-Я прорастают в личность, а возможно, в соответствии с логикой Фрейда конституируют ее. Значит, всем трем инстанциям не чужды как сознание, так и бессознательное. Да и Оно оказывается не таким уж бессубъектным.

Однако можно усомниться в том, верно ли поставлен вопрос о хозяине, координаторе семейства свободных систем? Или, другими словами, об эффективности управляющей вертикали? А. А. Ухтом-

⁴² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

ский в свое время не без иронии писал, что судьба реакции (т. е. поведенческого или другого акта) решается не на станции отправления, а на станции назначения. Едва ли поезд целесообразно отправлять на пятый путь, если их всего четыре. Необходимо знание, сознание, разговор, дискуссия. А между тем у Фрейда остается неясным взаимодействие двух топологических структур — сознания и Я. С одной стороны, он характеризовал сознание не как независимую систему, а как «ядро Я». К Я переходят и функции предсознания, элементы которого обнаруживаются даже в Сверх-Я. Однако, с другой стороны, Фрейд настаивал на том, что Я ведет себя как вытесненная, т. е. преимущественно бессознательная инстанция — и для его осознания требуется специальная работа. Думаю, что это противоречие относится к продуктивным, в нем интересно и важно то, что Я, сохраняющее сознание, вытесняется в Оно. Обе топологические структуры — структура Я и структура сознания, как минимум, взаимодействуют и даже проникают одна в другую. Однако создание на их основе единой структуры у Фрейда не получилось. Возможная причина неудачи состоит в том, что Фрейд не выделил некоторого критерия, по которому сознание можно было бы отличить от других психических процессов. Он даже представил Восприятие-Сознание как единую систему, хотя в других случаях он ставил сознание над психикой. Со своей стороны Лакан сожалел о том, что наш печальный социальный опыт не позволяет ставить проблему «восприятие — сознание» в центр Я и рассматривать это последнее как организованное «принципом реальности».

Согласимся с распространенной точкой зрения, что самым общим и важнейшим свойством сознания является рефлексия. Если это действительно так, то рефлексия должна быть свойственна всему сознанию, включающему предсознание и бессознательное. Выше говорилось, что вездесущее бессознательное пронизывает не только Оно, но и всю топику Я. Если верить Лакану, то бессознательное имеет онтологический смысл и является «ядром нашего бытия», и в то же время, бессознательное — случайно (лучше — спонтанно) и стоит у каждого из нас за спиной.

Не ясно, сознательно или бессознательно (возможно, во сне) исследователи локализовали в бессознательном творческие акты, симультантные целостности гештальта и многое другое. Конечно, можно согласиться с тем, что сновидение — это «царский путь» к

бессознательному, но из этого автоматически вовсе не следует, что бессознательное — это «царский путь» к творчеству. Слишком много ухабов на этом пути и каждый из них требует внимания, осознания, рефлексии. Мы давно и хорошо усвоили, что вне интуиции (интеллектуальной, чувственной, интеллектуальной, хорошо бы и интуиции совести) невозможно никакое мышление и никакое творчество. Но то же самое нужно сказать и о рефлексии, будь она осознаваемой или неосознаваемой. Характеризуя литературное творчество, Г. Г. Шпет писал: «Начиная с момента выбора сюжета и до последнего момента творческой работы, стилизующая фантазия действует спонтанно, однако, каждый шаг здесь есть вместе и рефлексия, раскрывающая формальные и идеальные законы, методы, внутренние формы и пр. усвоенного образца»⁴³. Рефлексию в контексте спонтанного, но не случайного творчества следует понимать как особую смысловую санкцию, относящуюся к адекватности замыслу формы и содержания шагов творчества. В этой санкции присутствует эмоциональный компонент, подобный мандельштамовской семантической удовлетворенности, равной чувству исполненного приказа.

Слово «бессознательное» настолько впиталось в культуру (или культура впитала его в себя), что исследователи, столкнувшись с явно неосознаваемыми формами рефлексии (заглядыванием внутрь самого себя), стали расширять само понятие «рефлексия», называя ее быстрой или фоновой. В противном случае им пришлось бы вводить понятия «сознательного бессознательного» и «бессознательного сознательного». Проведенные в последние десятилетия исследования показали, что в предметном действии, равно как и в других актах, в которых «растворилось» Я, присутствует неосознаваемая фоновая рефлексия⁴⁴. В. А. Лефевр писал о быстрой и тоже неосознаваемой рефлексии в умственных действиях⁴⁵. А. М. Пятигорский ввел понятие «рефлексии без Я»⁴⁶. Хотя Пятигорский понятие

⁴³ Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 497.

⁴⁴ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26—41.

⁴⁵ Лефевр В. А., Вебер Д. А. Функция быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлективные процессы и управление. 2001. 31. С. 34—46.

⁴⁶ Пятигорский А. М. Мышление и наблюдение. Riga, 2002.

«рефлексия» (прочтем его как «рефлекс—и—Я») лишил Я, назвав «рефлексом Z», это не рефлекс в павловском смысле слова. Можно предположить, что Я не просто растворяется в перечисленных выше актах (Я весь...), а становится их внутренней формой, оставаясь при этом носителем сознания, сохраняет его в качестве своего ядра. Однако, это такое ядро, которое не проще атомного, оно ведь может взрываться поступком. Над его структурой многие годы работают психологи и психоаналитики. Какова бы ни была его структура, важно подчеркнуть, что индивидуальное сознание может рассматриваться как внутренняя форма Я. Если это предположение справедливо, то мощное воздействие на поведение, деятельность оказывает не бессознательное Я, а Я, обладающее сознанием. Но ведь и Я не только может быть, а является предметом сознания.

Сказанное не должно удивлять. Мы ведь далеко не всегда осознаем, что внутренней формой слова являются образ и действие; внутренней формой действия являются образ и слово; наконец, внутренней формой образа являются действие и слово. Без своих внутренних форм полое слово — всего лишь слово, звук пустой. Речь идет о расширении наших представлений о внутренних формах. Трудно сказать, существуют ли они рядоположно, или они вписаны одна в другую и имеют «матрешечное» строение. Встречаются оба варианта. Например, в версии Фрейда структура личности в качестве подструктур включает в свой состав все три «инстанции»: Оно, Я и Сверх-Я. В этой же структуре вычлениются более дробные образования, что создает в ней условия не только для межсистемных, но и для внутрисистемных отношений и напряжений. Подобные подструктуры и дробные образования иногда называют субличностью внутри личности. Лапланш и Понталис пишут, что рассматриваемая структура личности пронизана антропоморфизмом: внутрисубъектная область мыслится по образцу межличностных отношений, а системы предстают как относительно независимые субличности внутри личности. Например, говорится, что Сверх-Я по-садистски относится к Я⁴⁷. Примем условно спорный тезис о том, что структура личности исчерпывается подструктурами Я или субличностью и продолжим обсуждение.

За структурой личности и составляющими ее подструктурами Я следует сознание, являющееся ядром Я, и представленное также

⁴⁷ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 588.

в Оно и в Сверх-Я. Это ядро само по себе неоднородно, оно состоит из светлой и темной «материи» (ткани), а также из промежуточного пространства (предсознания), являющегося посредником (согласно В. Биону — контактным барьером) между этими двумя видами ткани. Под всеми этими структурными образованиями находится рассмотренное выше семейство систем, степени свободы которых нуждаются в укрощении. Следуя антропоморфической метафоре, можно продолжить размышления (фантазии) Фрейда. То ли личность, то ли Я, то ли сознание или все вместе, становясь бессознательными, тем не менее, продолжают вплетаться в ткань всей психической системы (семейство свободных систем) или ее отдельных подсистем и «личным примером» организуют, координируют их (ее) систему. В логике Фрейда Я вписывается в восприятие, внимание, в действие. Об этом же говорят широко используемые Фрейдом термины: «интериоризация», «интроспекция», «интеллектуализация», как будто взятые им из тезауруса культурно-исторической психологии⁴⁸. Например, парадоксальное обладающее сознанием бессознательное Я «разряжается» (или «разражается») поступком. М. К. Мамардашвили несомненно был прав, говоря, что проблема бессознательного есть прежде всего проблема сознания. Бессознательное там, где было сознание, говорил Фрейд. В лингвоцентрической концепции Ж. Лакана бессознательное говорит, зависит от языка и бывает только у существа говорящего. Бессознательное — это дискурс другого: «Но дискурс другого — это не дискурс абстрактного другого, другого члена двоицы со мною связанного или даже мною поработанного, это дискурс контура цепи, в который я оказался включенным»⁴⁹. Бессознательное кто-то выслушивает. У бессознательного есть субъект, он выступает в метафизическом облике. Бессознательное структурировано как язык, хотя оно и вне-существует дискурсу, порой в облике субъекта-акефала, представляющего собой бессознательное, является его условием. Его многочисленные переплетения с языком, речью, говорением убеждают в том, что оно не только поро-

⁴⁸ Фрейд говорил и об исторической обусловленности психических актов. Психоанализ поддается культурно-исторической интерпретации, многие его идеи опередили культурно-историческую психологию и обогащают ее.

⁴⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М., 2009. С. 131.

дено сознанием, но в сознание и возвращается. Поэтому многие философы и психологи не от хорошей жизни говорят о едином континууме бытия—сознания, размышляют об уровнях строения сознания, игнорируя понятие «бессознательного».

Резюмируем попытку перевода взаимоотношений топологических структур Фрейда на язык внешних и внутренних форм Гумбольдта и Шпета. (Это не более чем попытка понимания, а не претензия на критику психоанализа, и на поучение психоаналитиков.) Если мы будем рассматривать личность как внешнюю форму, то ее внутренними формами окажутся взаимодействующие друг с другом Оно, Я, Сверх-Я. Если же рассматривать Оно как внешнюю форму, породившую Я, а затем принявшую его в свое лоно (а не просто вытесненную или уступившую ему свое место), то Я окажется его внутренней формой, содержащей, в свою очередь, в качестве своей внутренней, пусть трижды трансформированное, сознание. В логике Фрейда возможен и другой вариант: когда Я, занимая место Оно, поглощает его и делает своей внутренней формой. В любом случае, мы можем говорить о гетерогенности внешних и внутренних форм, о том, что различия между ними весьма относительны. Эволюции Я из Оно, Я в Оно или Оно в Я говорят об обратимости внешних и внутренних форм.

Все это длинное рассуждение понадобилось для того, чтобы обогатить понятие Оно и «выдвинуть» его на роль хозяина, координатора семейства свободных систем и одновременно с этим представить Оно как психически-субъективное поле, пространство, место, где совершаются акты творчества. Такое место называлось плавильным тиглем, громокипящим кубком, котлом когито, где переплавляются внутренние формы образов, слов, действий, аффектов (*сop, из которого растут стихи*). Это, так сказать, когнитивистская метафора творчества. Фрейд также использовал метафору котла, в котором кипят бессознательные импульсы либидо и танатоса. Смешаем содержимое обоих котлов и по рецепту алхимиков добавим несколько унций злости или любви. Однако, ковкости и способности к химическим превращениям внутри замкнутого пространства недостаточно. У этого волшебного котла стенки должны обладать свойством двусторонней проницаемой мембраны и служить контактными барьером, обеспечивающим взаимодействие со средой. В результате могут выплавиться чистейшие поэтические, музыкальные, живописные или другие формы.

При подобной, расширенной трактовке Оно неосознаваемые акты творчества, поступки и пр. приобретают свойства субъектности и сознательности. Оно перестает быть лишь «черной дырой», источником энергии и становится интеллигибельной материей, воплощаемой в невербальном внутреннем слове (М. К. Мамардашвили), содержанием которого является личностный смысл и замысел. Последние нередко открываются творцу лишь по мере их реализации, когда дышит почва и судьба. Но и здесь интуитивные акты прозрения не остаются «беспризорными». В них вплетена «неосознаваемая рефлексия». Без санкции последней невозможны ощущения верности инсайта, оценки адекватности того или иного приема и т. п.

Все изложенное выше следует воспринимать не более чем мысленный эксперимент, в котором предметом изучения (испытания) были таинственные явления человеческой психики, обозначаемые и обобщаемые словом «симультианность». Считается, что она, по видимости, а скорее, — невидимости — эквивалентна бессознательности и бессубъектности. «Экспериментальной площадкой» для ее анализа служили предложенные (сконструированные) Фрейдом две топологические структуры: топика Я, и топика Сознания. Для языковых игр с ними, вместо расплывчатых понятий внешнего и внутреннего, были привлечены понятия внешней и внутренней формы. Это позволило придти к утешительному заключению, что Оно в качестве своей внутренней (латентной, скрытой) формы содержит в себе Я, а последнее, в свою очередь, содержит в себе в качестве ядра сознание. Таким образом, симультиантные акты не столь уж безнадзорны и беспризорны, как кажется на первый взгляд. Однако, правила хорошего (научного) тона требуют проведения контрольного эксперимента.

Воспользуемся для проверки полученного результата другой уровневой структурой Я, предложенной П. Адо, который выделил три уровня «плюс один»: «Три уровня, это прежде всего уровень чувственного сознания, где “Я” ведет себя, как если бы оно совпадало с телом, (хорошо бы здесь тоже добавить: с *мыслящим* телом — *Авт.*); потом уровень рационального сознания, где “Я” осознает самого себя как душу и как дискурсивное размышление; и наконец, уровень духовного сознания, на котором “Я” открывает, что, в конечном счете, оно всегда было бессознательно Умом или Интеллектом, и

таким образом, превосходит рациональное сознание, чтобы достичь некоторого рода духовной и интуитивной ясности ума без речи и без размышления. Этот уровень Плотин, и особенно его ученик Порфирий рассматривают как настоящее «Я»⁵⁰. Обратим внимание на то, что П. Адо, в отличие от З. Фрейда, по сути, отождествил уровни развития Я и уровни развития Сознания. Примечательно также то, что на третьем уровне ясность ума достигается без речи и размышления, это близко к тому, что в психологии относится к симультанным актам. Наконец, на этом высшем уровне Я открывает, что оно бессознательно. Это забавный парадокс: ведь бессознательность самого себя открывает сознательное Я. Не похоже ли это на Оно у Фрейда, на которого, впрочем, Адо не ссылается?

Последуем за автором дальше. Уровень, который он назвал «плюс один» — это мистический опыт Единого, в котором настоящее «Я» превосходит свою идентификацию с Умом и достигает абсолютно-единства и простоты; оно переживает вместе с Умом состояние неопределенности и неконечности, опьянения, в котором, согласно Плотину, находится Ум в момент его зарождения от Единого. Таким образом, «Я» превосходит самого себя и преобразуется: оно растягивается в бесконечном⁵¹. Не станем углубляться в этот редкий и исключительный мистический опыт. Здесь важно, что Адо говорит, что настоящее «Я» является «Я» идеальным, что сущность человека составляет что-то, что его превосходит. И, наконец, «настоящее «Я» находится одновременно внутри и снаружи; это непрерывный поиск, поиск лучшей части себя самого, и он является превосхождением себя, а также признанием того факта, что часть нас самих и есть наше настоящее «Я»⁵². Понятое таким образом настоящее «Я» уже неотличимо от личности в ее трактовке П. А. Флоренским, Г. Г. Шпетом, А. Ф. Лосевым и другими русскими философами. М. К. Мамардашвили об этом же говорил по-своему: человек должен постоянно превосходить себя, чтобы оставаться самим собой.

Итак, контрольная проверка, осуществленная на другой «экспериментальной площадке» дала новые аргументы в пользу участия Я, Сознания, возможно, Личности в организации и регуляции

⁵⁰ Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном. М.; СПб., 2005. С. 137.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 138.

свободных действий, инсайтов, поступков, симультанных актов. В основе перечисленных и им подобных актов лежат не инстинкты, не рефлексы, не бессубъектное бессознательное и даже не фрейдовское «первозданное» Оно. (Чтобы его сохранить, с ним надо поиграть, реинтерпретировать, возможно, в том духе, в каком это сделано выше.) Их основанием является понимание, свойственное человеку как представителю человеческого рода. О понимании, как о начале и необходимом условии человеческого развития, в разное время, хотя и по-своему, но одинаково убедительно, писали бл. Августин, Г. Г. Шпет, М. Хайдеггер. В. В. Библихин писал, что на первых этапах развития у ребенка наблюдается «понимание без понимания». Не имеем ли мы дело в случае симультанных актов с «сознанием без сознания»? Полученный дар понимания совершенствуется всю жизнь: *Все может надоесть, кроме понимания* (Вергилий). Возможно, с учетом этого замечания о понимании⁵³ читателю легче будет принять наше прикосновение к тайнам симультанности, его «объективной живой субъективности» и сознательности.

Здесь самое время сделать решающий ход. В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили писали о том, что исследователям трудно преодолеть манию персонификации, которой не чужды и сами творцы, ссылающиеся, правда, не на собственное Я, а на Музу, Донну, Лауру, Беатриче, как на источники душевных порывов и вдохновения. Не освободились от нее и авторы, когда писали о творческих актах, что это не Я, а оно работает. При этом имелось в виду не фрейдовское Оно, а нечто другое. Что же это за нечто, пребывающее в нашем «доме творчества»? не является ли оно все же нашим вмняемым сознанием — сознанием, которое ведает, что творит его носитель. Средством такого ведения должна быть рефлексия в ее осознаваемых и неосознаваемых (фоновых) формах, протекающая как при участии, так и без участия Я. В первом случае Я оказывается осознаваемой внутренней формой самосознания. Во втором случае Я оказывается неосознаваемой внутренней формой сознания, хотя и здесь при определенных условиях оно может быть объективировано и даже стать внешней формой, содержащей сознание в качестве своего ядра. Другими словами, по отношению к единому континууму бытия-сознания Я может, вы-

⁵³ См.: Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

ражаясь термином Фрейда, быть экзистенциальной, рефлексивной или духовной *инстанцией*. Лакан также говорит о Я, как о реальной, воображаемой и символической инстанции.

Читатель, наверное, догадался, что поставленная в статье «проблема хозяина» свободных систем это просто литературный прием. Кроме несотворенной, есть сотворенная свобода, представляющая собой тяжкий труд, совершающийся постоянно. В ее создании и длении участвуют и Я, и сознание, и личность. Разумеется, личность представляет собой социально-историческую, а не телесную реальность. Впрочем, как и Я, которое, согласно А. А. Ухтомскому, слуга и орган духа, эта реальность не может быть лишь результатом сложения инстанций Я. Личность — это, конечно, верховный синтез поведения и деятельности, а не надсмотрщик за ними, Я или сознанием. У нее много своих обязанностей, проблем и забот. Первейшая из них — творчество, которое, согласно Г. Г. Шпету, абсолютно лично.

Выше, скорее, в подтексте, чем в тексте, сквозила интенция сопоставления психологических подходов к личности и психоаналитических подходов к Я. Сделаем по этому поводу два общих замечания. 1. В психологии мы имеем дело с личностью (с личностью ли?) без Я. В психоанализе мы имеем дело с Я, но без личности. 2. И психологи, и психоаналитики склонны редуцировать Я к индивиду, к субъекту, к репрезентанту, к организму. Фрейду это простительно, он занимался психопатологией обыденной жизни и не претендовал на создание языка психологии, ограничившись «Наброском научной психологии» (1895). Психологов же как будто волнует зона (перспектива) ближайшего и более отдаленного развития человека и они должны были бы вырываться за пределы обыденности и не забывать о пути «сверху» (от духосферы) или «наверх» (по духовной вертикали).

Что же мы получаем в итоге? Результат оказывается в пользу психоанализа. Практика заглядывания внутрь самого себя, которой (вслед за поэзией) учит психоанализ, существенно лучше, чем практика формирования, тестирования, манипулирования личностью. Первый случай назовем избыточным, а второй, вслед за В. А. Петровским, — убыточным. И все же закончим на оптимистической ноте. Вопреки психологии и психоанализу встречаются полноценные личности, обладающие не расчлененным, а цельным Я. И если земля еще вертится, то исключительно благодаря тому, что они есть.

Глава 9

Понимание как философско-методологическая проблема психологии

Самое непонятное в этом мире, что он понятен!

А. Эйнштейн

Что означает понимание? В целом ясно, хотя и не очень понятно, что понимание является условием и результатом приобретения знания. Можно спорить, что представляет собой большую ценность образования: знание *или* понимание? Знания забываются, выветриваются, а понимание остается. Есть люди, которые много знают, но мало понимают, есть люди, которые мало знают и многое понимают. Понимание не следует смешивать со здравым смыслом. Последний, по замечанию Г. Г. Шпета, — все знает, но не все понимает. Он понимает лишь то, что здраво.

По мере «сжимания» человеческого мира, все больше опутываемого различными сетями (культурными, информационными, транспортными, финансовыми, военными, криминальными, промышленными и другими, которые уже трудноразличимы), значение взаимопонимания возрастает. Оно становится необходимой предпосылкой глобального выживания человечества, оставаясь при этом загадкой и тайной. Легче разгадать понимаемое, чем понимание. В 1925 г. М. Вертгеймер писал: «Кто не переживал того, что обозначается словами “ученик понимает”? Кто не переживал сам, как протекает такое “понимание”, когда человеку впервые открывается какая-нибудь математическая или физическая зависимость? Справимся же, что говорят по этому вопросу психология, учебники педагогики и педагогической психологии. Я рекомендую вам, действительно, проделать это и именно с такой точки зрения. Вы ужаснетесь бедности, сухости, нежизненности и совершенной несущественности того, что там говорится»¹.

Сегодня ситуация мало изменилась. За помощью приходится обращаться к философии, герменевтике, культурологии, поэтому нельзя обещать, что текст о понимании будет легким для понимания.

¹ Цит. по: *Теллов Б. М.* Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 220.